

Поехали, Лавру открывают

О ПЕРВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ОТ УВИДЕННОГО В ТОЛЬКО ЧТО ОТКРЫТОЙ ЛАВРЕ ВСПОМИНАЕТ СЕКРЕТАРЬ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА ПО Г. МОСКВЕ ПРОТОПРЕСВИТЕР ВЛАДИМИР ДИВАКОВ

О первом богослужении

В то время я был маленьким мальчиком. Помню, как-то мама сказала: «Поехали, Лавру открывают». Приехали, народу множество! Все перекопано, перерыто, ноги поломаешь, пока проберешься по территории. Само богослужение было под Успенским собором в маленькой Всехсвятской церкви-крипте, люди туда как селедки в бочку набились. Все остальное было в безобразном виде.

Все здания были заселены, жильцы встречали нас враждебно. Около корпусов повсюду стояли столбики. На веревках сушилось белье. На крыше академического храма красовался громкоговоритель Дома культуры. В здании самой академии располагался педагогический институт.

Вскоре мы вновь приехали в Лавру, уже передали Успенский собор. В нем служили только летом, так как внутри было очень холодно. Из Троицкого собора торжественно перенесли мощи преподобного Сергия и поставили под правый клирос в Успенском соборе. Повсюду уже чувствовался духовный подъем! В самом Троицком соборе был музей, а в апсиде алтарной части Никоновского придела располагалась музейная касса. Каждый год мы с мамой ездили в Лавру и очень радовались тому, что ситуация меняется.

О состоянии возвращенных государством зданий и сооружений

Когда начали реставрировать Трапезную церковь, посередине ее образовалась трещина: южная часть храма просела. Музей предлагал ее

Уточья башня и двор перед ней. Послевоенное фото

снести. Однако взорвать просевшую часть храма не представлялось возможным, так как в алтаре располагалась сапожная мастерская и, кроме того, вплотную примыкало сооружение войсковой части (исторически и ныне — Пафнутьевский корпус, здание бывшей почты. — Ред.). И вот наместник, архимандрит Иоанн (Разумов), организовал артель мастеров-сибиряков, которые бурили скважины под стенами и заливали туда воду. Это был своеобразный сибирский способ укрепления фундамента — не вполне научный, но показавший эффективность на практике. Таким образом удалось стянуть обе части Трапезного храма и заделать трещину. И когда проверили приборами этот свод, техника показала, что это монолит, — державшийся, по сути, на воде. Поистине тогда совершались чудеса.

На Всеправославное совещание 1948 года должны были съехаться представители Поместных Церквей. Родной лаврский иконостас из Трапезной церкви не сохранился. Иконостас Лавра просила у музея. А как в то время просили? Несли конверты, да отнюдь не тонкие, чтобы музейные работники ходатайствовали перед властями. В конце концов для Трапезного храма передали

иконостас из снесенного в 1934 году на Ильинке московского храма Никола Большой Крест. Но его иконостас был высоким, и, сопрягая с Трапезным храмом, его нужно было сделать ниже и шире. Сумели все-таки хорошо поработать и вписали его в требуемые габариты. В трапезной части храма алтарей тогда еще не было (они появятся только в 1970-е годы), по большим праздникам там проходила братская трапеза. На Троицу, когда совершались молебны на улице, сотрудники Дома культуры специально включали громко музыку, чтобы заглушить богослужение.

В надвратном Предтеченском храме размещалась пуговичная фабрика. На Святых вратах купола не было: когда он сгорел, вместо него соорудили четырехскатную кровлю. Церковь в то время использовала разного рода международные мероприятия, проходившие на территории Лавры, чтобы что-то сделать и отремонтировать. Так, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году, когда я учился в Московской духовной академии, поставили на вратах шарообразный купол со словом «МИР». Но потом музей начал требовать немедленно убрать этот купол. Лавра и поставила старый дорево-

люционный купол — восстановили, так сказать, историческую справедливость.

О восстановлении архитектурного ансамбля Московской духовной академии

В 1954 году Патриарх Алексий I вместе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) отправился к председателю Совета министров СССР Маленкову и министру обороны Булганину просить о выселении находившегося в здании Академии бывшего Дома культуры в новопостроенное. Правительственным решением сотрудникам отвели двое суток на переезд. Выехать-то они выехали, но постарались сломать в старом здании все что было можно. После этого сразу начался ремонт академического храма, и уже к осеннему празднику Иоанна Богослова все ремонтные работы успели закончить. Мрамора цельного не было, поэтому взяли мраморную крошку и сделали пол, который лежит до сих пор. Сверху соорудили хоры. Кинобудку за алтарем снесли. Иконостас использовали из снесенного до войны в Москве храма Харитона Исповедника (нам отдали три храмовых иконостаса, из них сделали один, и часть икон из тех иконостасов пошла в Малый собор Донского монастыря). Мария Николаевна Соколова (впоследствии монахиня Иулиания, руководитель знаменитого Иконописного кружка при Московской духовной семинарии. — *Ред.*) принимала участие в храмовой росписи, и когда я уже поступил в семинарию, мы все молились в восстановленном академическом храме.

В следующем, 1955 году никак не хотел освобождать часть здания Академии педагогический институт. В то время он занимал классный, больничный, инспекторский корпуса, верхний этаж академической столовой и половину ректорского корпуса. Только после того, как Патриарх Алексий I в очередной раз ходатайствовал перед Правительством СССР о выводе пединститута, за летние каникулы тот переехал в Подольск. Осенью экстренно приступили к ремонтно-реставрационным работам, и уже в 1957 году мы занимались в историческом здании Московской духовной академии.

Использованы архивные фотографии из фондов
Церковно-археологического кабинета
Московской духовной академии

Вход в Московскую духовную академию во время Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР, посвященной вопросу защиты мира во всем мире, 1951 г.